

Слепцов В А

Ночлег

Слепцов, В.А.

Ночлег

(Подгородные сцены)

На дворе стояла оттепель, смеркалось; по опустевшим городским улицам кое-где бродил народ. Запоздавшие на базаре мужики, лежа в санях, перекликались и погоняли лошадей. На самом краю города, в харчевне виднелся огонь. У крыльца, на площадке, густо покрытой навозом, стояли извозчичьи и крестьянские сани. Свет, полосую падавший из окна, освещал шершавые бока лошадей, угрюмо мотавших мокрыми хвостами, и наблюдавшего за лошадьми мальчишку в полушубке.

Рядом с харчевнею, в ворота постоянного двора въезжали мужики. На дворе виден был фонарь, висевший на перекладине, и несколько крестьянских саней. В избе тоже светился огонь. Хозяйская работница накрывала на стол и собирала ужин. Человек пять мужиков сидело по лавкам; один из них разувался и вытаскивал из сапог солому; другой полез было на печь, однако слез - на печи лежал хозяин пьяный. Между тем в избу всё входили вновь приехавшие мужики; понизу из двери стлался пар; в сенях хозяйка выдавала овес.

- Щец, что ли, влить, али вперед квас станете хлебать? - спрашивала у мужиков работница.

- Мы всё станем, - отвечал один.

- Подавай, что есть, - прибавил другой.

Работница поставила на стол чашку с квасом, мужики помолились на образа и сели. Вошла хозяйка с фонарем и сказала:

- Хлеб да соль!

- Просим милости, - ответил один из мужиков, высыпая в чашку крошенную рыбу.

- Огурчика бы, - вполголоса заметил другой.

- Нету, родимый, нету... Прокисли, - ответила хозяйка. - Мало соли, что ли, уж не знаю. Скотине покидали, и скотина не ест. Такая мне, право, досада с этими с огурцами; кабы знала, легче бы не солила.

Мужики молча стали хлебать квас.

- Это кто ж у вас, хозяйка, на печи-то лежит? - спросил один из сидевших за столом.

- Хозяин лежит, родимый, хозяин. Грешным делом тоже выпил, ну и спит. Незомь 5 его.

- Что ж он у вас, дерется? - спросил другой.

- Нет, драться он не дерется, а тоже со временем озорничать лют. Черёзвый он у нас смирен;

так смирен, настоящий андел, хошь паши на нем; ну а выпьет, - всех распужает.

В это время вошли только что приехавшие, помолились, сказали "хлеб да соль" и начали раздеваться.

- Кирсановски будете? - спросил один из вновь вошедших.

- Нет, мы духовщински, - не глядя отвечал один из сидевших за столом.

- Давно ль из двора?

- Пяты сутки.

- Ну, как дорога?

- Что дорога? Дорога ноне везде одна.

- Дорога, брат, Сибирь, - добавил другой.

- Лошадей так сморили, так сморили, - ни на что не похоже.

Ноне утром встали, вышел я лошадей попоить; а они, брат, за овес-то и не примались.

- Как не сморить. Пуще всего моча одолела. Эдакой мочи то есть и не видано. Всё норовим засветло ночевать. Теперь ночью где в зажоре застрял, беда. Пропадешь.

- Пропадешь. Долго ли до греха.

- Ночью как можно? - сказал один, развешивая над печкою онучья. - И днем-то не приведи господи, а не токма что ночью. Тоже и скотину беречь нужно. Дорогой-то едешь, почитай что все на себе везешь.

- Скотину не беречь, что ж тогда будет? - заметил один из сидевших за столом и прибавил:

- Лапши нету?

- Нет, лапши нету, - отвечала хозяйка. - Мы картофь варили.

- Давай картофь! С чем он у вас, с маслом?

- С хлебцем, родимый. Хлеб у нас мягкий, ноне пекли.

Мужик ничего не сказал и тряхнул волосами.

- Вот, говорят, скотина, - начал мужик, сидевший в углу на лавке. Скотина, скотина, а тоже понимает, что тяжко. Везет, везет да оглянется. Я, мол, что ты? Ай подсобить? Она мордой-то вот этак. Стало быть, вот тоже понимает; сказать только не может, а ты должен догадаться.

- Известно, скотина не скажет, - опять заметил сидевший за столом. Ну, и впрочем... Кваску бы, хозяйка.

- Сичас, сичас, - заторопилась хозяйка.

Работница накрыла на другом конце стола другой ужин. Вновь приехавшие сели.

- А солдат-то наш где? - спросил один из них.

- Там, в возу что-то копаются. Я его кликала, - ответила работница.

- Сходи, умница, покличь еще! Скажи: иди, мол, ужинать проворней.

Работница пошла было за солдатом, но встретила с ним в дверях.

- Вот он, солдат-то, когда намочился, - говорил отставной солдат, входя в избу.

- Иди садись, - сказали ему мужики.

- Пойдите, братцы; дайте срок. Уморился до смерти с товаром-то с своим. А! Хозяйка! Старушка - божий дар - здорово! Ай не узнала?

- Как не узнать? Старый хрыч. Все еще жив?

- Жив бог, жива душа моя.

- Куда это тебя носило?

- Да все по торговым делам.

- Купец!

- Сокрушила меня эта торговля, пропади она совсем. Ничего не стоит. Хозяин-то где ж?

- Вон, порадуйся, на печи лежит дитячко. Налопался, спит.

- Что ж, это ничего. Пройдет. Это не вредно. Ах, намочился! Влетели в канаву, вот по этих мест окунулся. А что, солдату погреться водочки не будет?

- Как не быть.

Солдат выпил и спросил:

- А закуски не полагается?

- Кто ее припасал для тебя, закуску-то! Нешто у нас кабак?

- Ну, ничего, мы языком закусим. Нет, ты слушай, Матвевна, как мы влопались-то, я тебе расскажу. Накось, повесь посушить! Как влопались - в лучшем виде. Я вчера еще говорю: вы, говорю, у меня, мужики, не дремать. Они лошадей, знаешь это, распустят, и знать ничего не хотят. А я уж тоже твердо знаю их эту мужицкую привычку; кричу им: робята, не отставай, дружней! Потому, тут, упаси господи, всех лошадей перетопишь. А Федюшка подлец, вот он, рыжий-то. Что ты глядишь? У! - Я это с товаром-то с своим, а он, брат, вон де, за версту отстал; гляжу - дрыхнет. Ах, черт-то вас возьми совсем! Я один и остался. Лошаденку разогнал да так весь, как был, и с потрохом с своим влопался, как черт. Главная причина, очень уж дрыхнуть здоровы. Так спят, так спят, просто ни на что не похоже.

Мужик захохотал.

- Ха-ха-ха! что ты ржешь-то, как кобыла на овес?

- Да. Поработал бы ты с наше; поглядел бы я, как бы ты стал храбриться, - отозвался один мужик.

- Вы молитесь бога, что не я у вас бурмистром, а то бы я вам показал, как спать.

- Ну, да ладно. Аника-воин! Садись уж! Вона она ложка-то.

- Сесть я сяду, а вас учить надо.

- Выучил такой-то один.
  - Такой, да не эдакой. Вот что. С чем же картошь-то у вас, Матвевна?
  - Известно, с чем, - с хлебом.
  - А масла-то что ж?
  - Еще масла. Ишь ты, моду какую выдумал! Картошь с маслом. Модник! Вон мужички не хуже тебя, а с хлебцем покушали.
  - Пускай кушали, а я не хочу.
  - А ты что за граф за такой?
  - Известно, граф.
  - Какой такой?
  - Брандербургский.
  - Какой?
  - Брандербургский. Вот те и все тут. А ты не знаешь.
  - Не знаю, да и знать не хочу. А ты этих слов за столом у меня не смей говорить. Что ты охальничаешь в самом деле? Старый ты человек, тебе бы богу молиться, а ты озорничать.
  - Глупая ты баба! Ничего ты не понимаешь.
  - Не понимаю я? Нет, я все понимаю. Бессовестный! Право бессовестный! Кушайте, родимые, на доброе здоровье, - говорила мужикам хозяйка, ставя на стол жареного леща.
  - Что ж, масла не дашь?
  - Не дам.
  - Наплевать, коли так. Подавай мне каши!
  - Ну, ты не командуй, - сказала хозяйка. В то же время кто-то постучал в окно.
  - Кто там? - спросила она, подходя к окну.
  - Ночевать пуцаете, что ль? - спросил с улицы мужичий голос.
  - Пуцаем, родимый, пуцаем. Много ли вас?
  - Один, матушка, пишкавой 1. В городе запоздал. Пустите Христа ради.
  - Мы, голубчик, Христа ради не пуцаем.
  - Да я поплачусь. Что ж, чай больше семитки 2 за ночлег не положите?
  - Ужинать станешь?
  - Нет я ужинать не стану. Признаться хлебушка на базаре купил - пожую.
- Хозяйка было задумалась.

- Пущать ай нет?
- Пусти! - сказали мужики.
- Дело народное. Мы к лошадям спать пойдём.
- И то, - сказала хозяйка.
- Акулина, подь, пусти его!

Немного погодя вошел мужик в старом полушубке и в лаптях.

- Хлеб да соль!
- Просим милости, - промычали мужики.

Прохожий постоял молча середь избы, утер рукавом бороду и повесил шапку на гвоздь. Мужики ели леца и исподлобья посматривали на прохожего.

- Дальной? - спросила хозяйка.
- Фу, дальной, матушка, дальной, - отдувшись, ответил мужик и, отойдя к сторонке, принялся шарить у себя в кармане.
- А пироги с медом будут? - спросил солдат, обсасывая рыблю голову.
- Ухват вон еще у меня припасен для тебя под печкой.

Солдат засмеялся.

- Это бабье ружье-то? Знаем. Эх, Матвевна!
- Что Матвевна? Я давно Матвевна.
- То-то давно. Давно бы пора тебе понять, дура.
- О, старый шут! Право. Лезь на печку-то скорей.
- Солдат залезет.
- То-то, гляди, сослепу-то еще не попадешь.
- Небось! Солдат попадет, не ошибется.
- Да ну тебя! Греховодник! Уйди!
- Эх, Матвевна! Сказал бы я тебе такое слово одно... Ну да делать-то, видно, нечего. С горя хоть трубочки покурить.

Хозяйка что-то не расслушала и пошла в каморку, а мужики стали вылезать из-за стола и напустились на квас. Работница сбирала остатки ужина. Мужики сбились в кучу и, почесываясь, начали промеж себя рассуждать:

- Что ж, спать, что ли?
- Куды эдакую рань?
- А по мне, хошь спать, так в ту же пору.

- Потить лошадей поглядеть.
- Как тебя звать-то, молодая? Акулина, ты мои портянки пуще глазу береги. Слышишь?
- Ладно. Ступайте хушь на двор-то. Теснота.
- А я вот тут, гляди сюда! Видишь, вот тут у меня тряпица висит. Чтобы сохранно. Гляди, на тебе спросится.
- Да ну, ладно.
- То-то ладно. Потом судись с вами. Что с тебя взять?
- Не пропадет. Ишь, бархат какой.
- Бархат и есть. Всякому свое мило.
- Ссякому, брат, своя сопля солона, - заметил прохожий.
- Известно, солона, - подтвердили мужики и пошли на двор.

Солдат с трубкою остался в избе. Прохожий сидел на лавке и вздыхал.

- Почтенный, ты табак куришь? - спросил солдат у прохожего.
- Нет, не курю; мы к этому не приучены.
- Что ж так?
- Так, что не приучены.
- Напрасно.
- Напрасно ли, нет ли, уж не знаю; а вот на дудке я в стары годы мастер был играть. Это точно.
- В пастухах жил?
- В пастухах.

В это время мужики друг за дружкой входили в избу. Один принес хомут сушить. Кто полез на полати, кто так остался на лавочке посидеть. Пошла зевота.

- Да, пастухи это и у нас тоже на дудке играть здоровы, - сказал один, залезая на полати.
- Жилейка это, значит.
- Ну, вот, самая она, - подтвердил прохожий.
- Знаю. Сейчас это лычком наверхнет, сидит под кустиком, туру, туру. Сс! Ухитрит же его! И то сказать, ведь скука. Ну, а как у вас... жить-то как?
- Что ж жить? Ничего. Как-никак, а жить надо.
- Это что говорить. Все божья воля.
- Да. Хорошо тебе говорить - божья воля, вверх воронкой-то лежишь, сказал прохожий.
- Что ж, я и всячески скажу. Против бога, брат, ничего не сделаешь. Это ты оставь думать.

- Так-то оно так, - сказал прохожий.

- То-то вот и есть.

Вошла хозяйка.

- Матвевна, - сказал солдат, - что бы тебе догадаться солдату бражки поднести. Ах, недогадлива баба-то у нас!

- Тоже бражки. Ох, ты, вор - красны глаза. Уж выпросит. Акулина, нацеди ему! Что с ним делать? А тебе чего? - спросила она у прохожего.

- А я гляжу, где тут солоница-то у вас? Хлебушка тоже пожевать захотел.

- Вон она, в столе. Да посто-кась, я тебе, так и быть, уж щец волью. Может, богу за нас помолишься. Человек ты, я вижу, битый.

- Ох, кормилица, дай тебе господи доброго здоровья, - обрадовавшись, сказал мужик и начал распоясываться. - Еще какой битый-то, я тебе скажу.

- О?

- Да ей-богу.

Работница принесла ковшик браги, а хозяйка налила щей и поставила на стол. Прохожий сел. Солдат у стола, глядя на огонь, курил трубку. Хозяйка тоже под села к столу.

- Ну, куда ж ты ходил, расскажи-ка ты мне, - спросила она у мужика.

- Да в город, матушка, ходил; бумагу выправлял.

- Какую бумагу?

- А бог ее знает. Вот она, бумага-то.

Он вынул из кармана бумагу и спросил солдата:

- Ты, кавалер, грамоте знаешь?

- Малость тоже маракую, - ответил солдат, держа трубку в зубах.

- Прочитай-ка, прочитай-ка, я послушаю, - говорила хозяйка.

- А то, нет; постой, постой! Ты водку пьешь? - спросила она у прохожего.

- Как, родимая, не пить. Тоже и мы люди.

- Ну так погоди же, я тебе рюмочку поднесу. Что с тобой делать? Сиди!

Прохожий выпил, сказал: "Благодарим покорно" - и принялся за щи.

Солдат взял бумагу, подержал ее на аршин от глаз, потом посмотрел на огонь, обернул бумагу к свету и начал читать сначала про себя, а потом уж громко:

"Из метрических книг Благовещенской церкви села... Благовещенского видно... видно, что эк-оно... да, эконо-номи..." Что за шут? Да... "эконо-ми-ческий крестьянин сельца Большая Елань, Анкидин Тимофеев..."

Мужик глядел сбоку в бумагу и вздыхал.

- Анкидин Тимофеев не состоит... Это кто ж такой не состоит? Ты, что ли? - вдруг спросил солдат у прохожего.

- Нет; меня Киндеем звать.

- Ну, так и есть. Анкидин и Киндей - все это одно. Ну-ка, что там еще? "Не состоит в кровном, или духовном родстве, или свойстве с крестьянкою того же сельца Марфою Игнатьевою. На основании..."

- А это что ж такое? - спросил мужик, указывая пальцем на то место в бумаге, где было изображено родословное древо.

- А это, братец ты мой... Это... Ха-ха-ха! вот оказия-то! "Егор Иванов родил". Это чудесно! Ноне, брат, мужики рожать зачали. Слышь, Матвевна? Кто ж это Егор Иванов?

- Постой, постой! Это мово дедушку Егор Иванычем звали. Ах, разбойники! На что ж это они его-то потревожили?

- А уж не знаю. Дай срок, почитаем еще; может, дело-то и окажется. "Егор Иванов родил Тимофея Егорова".

- Это батюшку мово, значит, покойника, - со вздохом сказал прохожий. Ну, собаки! Еще-то что?

- Еще: "Тимофей Егоров родил Анкидина Тимофеева".

- Ну, так. Меня родил. Вот грабители! И меня тут же приписали. Это за мои-то деньги. Ну, грабители! А что, мне за это ничего не будет?

- Ничего. Это так только, форма, значит.

- Да, да. Это чтобы я не убег, значит, опасаются. Ну, так. И какие же, я тебе скажу, собаки! Как липку обобрали! Так и рвут, так и рвут. Шесть целковых, как одна копеечка, эта бумага-то мне стала. И не попахло. А за что?

- А за то, что не ходи пузата, - наставительно сказал солдат и сплюнул в сторону.

- Вот они, три семитки на дорогу остались; а ведь мне, друг ты мой, еще сто двадцать верст до двора. Так-то, - прибавил мужик. - Ну, теперь, значит, я пошел побираться.

Хозяйка покачала головой, а прохожий опять принялся за щи.

- Как же это ты на старости лет задумал жениться? - спросила его хозяйка.

- Что ж ты станешь делать? Сам знаю, года мои не молоденькие, а никак нельзя.

- Ты вдовый, что ли?

- Вдовый, матушка, вдовый. Одних ребят у меня восемь душ, сам девятый.

- Так это ты для робят?

- Сказывают так, что для робят, а по мне хошь бы и не жениться; потому как я домом никогда не живал, мастерства никакого, окромя лаптей, не знаю; да вот на той неделе призывает меня помощник. "Беспрременно тебя, говорит, надо женить и водворить". Я было просить его зачал: нельзя ли, мол, ваше благородие, как-никак ослобонить? "Ну, нет: я говорит, не могу; как мир". Кликнули на сходку. Сейчас говорит мне старшина: "Дается, говорит, Киндюшка,

тебе земля, колько-то там земли; ну и жениться тебе, говорит, надо: потому, говорит, что тебе так болтаться?" Я и у стариков-то отпрашиваться стал; нету, загалдили, загалдили - женить! Ну, делать нечего. С миром-то нешто сговоришь?

- Так, так, - подтвердила хозяйка. - Посто-кось, я тебе кашицы положу в чашечку.

- Спасибо, родная. А мне что земля? Я к ней и приступиться-то не знаю как. Опять земля у нас какая? Вот это сейчас камень, а это - болото. Земля! В этой земле только лягушкам водиться, да вот еще цапли. Цаплев у нас много. Она воду любит.

- Это кто воду любит? - спросил кто-то с полатей.

- Да цапля.

- О!

- А наемни на сходке старшина тоже - водворить, говорит. Я ему жалиться стал: "Как же так, говорю, Прохор Степаныч, водворить? За что ж так", говорю. А он, братец ты мой, поглядел, поглядел на меня, да и говорит: "Поди, говорит, ты..." В желтые ворота меня и послал З. Известно, ему что? А все это из того вышло, что, признаться глазами-то уж очень я плох стал. Вот теперь гляжу на тебя, так быдто что застигает. Меня бы по-настоящему, по-божью-то, в старики бы; ну, нет, говорят, какой ты старик? А за скотиной ходить не годишься, не углядишь. И точно, был грех, врать не хочу - не углядел, точно. Ну и наказали. И раз наказали, и два наказали, и три наказали. Что ж, я ничего. А главная вещь, очень уж эти штрафы одолели. Сейчас чуть что - штраф! А ведь другой этому и рад. Да мне хошь бы привелось теперь. Зашла корова на гумно; я ее сейчас раз, и загнал к себе во двор. Потому это уж мое счастье. Неужели я от своо счастья буду отказываться? Потрава. Ну, и, значит, больше ничего, что подавай деньги. У нас так-то один мужичок в одно лето денег много зашиб. Двор теперь у него край самой дороги; вот он и караулит, с хлебцем на гумне сидит; за плетнем притаится, так быдто там что-то копаются. Так чуть пастух оплошал, он это хлебца-то высунет, а сам полегонечку эдак: Бяшка! Бяшка! Главная причина, из того старается, чтобы ему то есть хошь одну-то овечку подманить. Как одну залучил, - сс! Пошла битка в кон. Тут их ничем и не удержишь. Как есть все до одной на гумне будут. Известно, овца глупа - куда одна, туда и все. Ну, а тут сейчас выскочит: Батюшки! Грабят! Караул! Ворота на запор, и судись с ним.

- Ах, черт те возьми совсем! - сказал солдат. - Это штука ловкая. Слышь, Матвевна? Да никак и мне приняться? Торговлю побоку, хлебца кусочек, сиди да поманивай. Хм. Коммерция!

- Да это еще что? - продолжал прохожий. - У нас теперь один барин есть. Совсем и хозяйством бросил заниматься. Я, говорит, и так проживу - штрафами. Сейчас подошла корова к его пруду напиться - штраф! Карасей, говорит, у меня в пруду распужала. Почему что карась очень робок, коров боится и со страху колеет. Мужик проехал мимо саду, зацепил за плетень - штраф! - фрухтовые деревья повредил. Ну, и ничего. Только уж очень он жаден стал на эти самые на штрафы: ничего даже и бояться не стал. Вот гнал гуртовщик скотину по его земле. Бурмист к нему тотчас бежит - гонют, говорит, овец; потрава беспрременно будет. А ему только того и нужно. Сейчас сел верхом и скачет сам. Пастухи это его как завидели, сробели, скотину распустили... А он как налетел, сразу полгурта отхватил. Овцы шарахнулись да в хлеб, а он за ними, овцы в сторону, он за ними, загоняет. Гонял, гонял их, до тех пор гонял, что двадцать штук до смерти загонял - на другой день околели; да лошадью сколько затоптал.

- Ну, это значит, жаден уж очень, - заметил солдат.

- А я про что ж? Не пожадничай, жил бы да жил, любезное дело; а теперь вот и судись. Своих еще приплотит.

- Приплотит, - заметили мужики,

- Уж это как есть.

- Ну, за хлеб за соль, - сказал прохожий, вылезая из-за стола.

- На здоровье, - ответила хозяйка. - Акулина, собирай!

- Да, вот про суд-то вы говорите, - начал опять прохожий, обращаясь к мужикам, лежавшим на полатах.

- Н-да, - отозвались мужики.

- Ну, так вот со мной грех такой-то вышел: тягали меня довольно, и тоже приплатил и я.

- За что ж так?

- Да вот какое дело. Летошний год тоже не плошь этого гуртовщика гнал я скотину и тоже по барской земле; ну и недоглядел. Тропиночка эта узенькая, и сейчас тут поворот. Скотина эта сгрудилась, заметалась, ни туда ни сюда. Мальчонка у меня, жид его дери, непутный такой; я ему кричу: Трушка, дуй те горой, - верни! А тут это, на грех, земский навстречу с ружьем. Собачонка эта у него Центра, разбежалась да как бросится прямо в стадо. Одна корова хвост подняла, фю! Я гляжу, уж она вон де: так и чешет по овсам; другая поглядела, поглядела, да за ней. Я - "Куда! Куда!" - ну, брат, шабаш! Сейчас сторож выскочил, коров загнали, а меня судить. Судили, судили и присудили, братцы мои, чтобы то есть разойтись полюбовно: мир там колько-то денег приплатил, а пастуха наказать, чтобы вперед глядел. Вот сейчас повестили: явиться пастуху в расправу. Пошел я. Шел, шел, а волость-то верст пятьдесят от нашей деревни. Иду я дорогой и думаю: "Эх, мол, насидятся у меня робятенки без хлеба. Поскорей бы мне дойти". Все это у меня в уме, да все про скотину думается; не управится без меня мальчонка, ни за что не управится. Где ему? - глуп.

Пришел. Сейчас к писарю: так и так, вот, говорю, я пришел.

Писарь, ладно, говорит, подожди.

Ну, переночевал ночь; наутре чуть зорька занялась, я вскочил; ну, думаю, только бы меня, дай господи, поскорей отжучили, сейчас бы я марш домой. Ждал, ждал, целый день на крылечке просидел, все ждал; не пуцают - и шабаш. Чуть увижу: мужики из-за угла выходят - ну, думаю, слава тебе господи, сейчас меня драть. Гляжу, нет, мимо прошли.

Старшина с писарем стоят, шепчутся; ну, вот, думаю, это про меня. Вот сейчас гашник 4 расстегнул... Глядь, в кабак пошли. Ах ты боже мой! Что ты станешь делать? Измучили. И еще день прошел. Я не пью, не ем, жду не дождусь: скоро ли, мол, это меня отпустят. Пойду, пойду к писарю: батюшка, отец родной, вели ты меня наказать!

- Подожди, говорит. Вот те и сказ. А меня пуще всего скотина-то сокрушила. Где Трушке управиться одному! Да и сидел бы я, сидел теперь, думаю себе, лапотишки ковырял. А тут скука-то меня очень уж одолела. Ведь как думаешь, братец мой, трои сутки живу, не пуцают. На четвертый день сижу у ворот, идет знакомый мужик: что ты, говорит? Так и так, говорю, вот какое горе. "Э, дурак, говорит, целковый денег есть?" - "Есть, говорю, есть". "Пооди дай, сейчас отпустят". Ведь и точно, братец мой, сейчас же, слова не сказал, разложили и отодрали. "Давно бы ты так", говорит.

- Так вот, они, деньги-то, что значит, - начал было опять прохожий; но в это время кто-то постучался в калитку.

- Акулина, - сказала хозяйка, - проснись! Пооди пусти, кто там это?

Работница нехотя встала с лавки, почавкала губами, почесала у себя за пазухой и ворча пошла отпирать. Немного погодя она вернулась одна.

- Кто ж это там? - спросила хозяйка.

- А бог его знает; стучит, а не откликается. Я испугалась да бежать.

- Господи Иисусе Христе! Кого это там еще носит экую пору? Робятушки, сходите-ка, посмотрите! Я боюсь до смерти. Кто его знает.

Мужики на полатах прижались и ничего не ответили.

- Что ж вы - спите, что ли? А ты что сидишь, воин?

- Ступай сама, что ты меня посылаешь? - ответил солдат.

- Постой, я схожу, я не боюсь, меня не съест, - сказал прохожий и пошел отворять, но сейчас же вернулся. Вслед за ним вошел длинный, худощавый мещанин в старой драной чуйке, помолился богу и поклонился хозяйке.

- Что ж ты, черт, не откликаешься? - сердито спросила его хозяйка. Испужал до смерти.

- Я, признаться, пошутил, - робко улыбаясь, сказал мещанин, запахнулся и тихо сел на лавку.

Все молчали. Хозяйка насупилась и начала грызть ногти.

Прохожий что-то порылся в мешке и стал укладываться спать.

Мещанин сидел молча, поджав ноги под лавку, и потягивал носом.

- Ишь ты, шляются! - наконец сказала хозяйка. - Зачем тебя ночью притащило? Что тебе дома не сидится?

- А как нонче, значит, дело праздничное, - запинаясь заговорил мещанин, глядя на полати и отряхая картуз, - ну, и... думается так, что пойти, мол, к Агафье Матвевне понаведаться, - сказал мещанин и кашлянул.

- Очень нужно, - ответила хозяйка.

Опять замолчали.

Мещанин стал перебирать пальцами свою жидкую бороденку и все старался украдкой от хозяйки заглянуть на печку, потом замычал что-то и опять кашлянул. Хозяйка вдруг на это озлилась:

- Ты у меня сидеть, так сиди смирно! Что ты кашляешь, настоящая как овца.

- Да, признаться, простудился... - начал было мещанин.

- Я тебе такую простуду задам, ты у меня смотри, бесстыжие твои глаза.

В это время на печи завозился хозяин. Мещанин вздохнул и стал потихоньку барабанить пальцами по лавке.

- Андел хранитель, заступница царица небесная... - шептал прохожий, укладываясь спать.

Солдат плюнул и стал выколачивать трубку о каблук сапога.

- А я, а я, а я тебя, а я тебя не боюсь... - бормотал спросонья на печи хозяин.

Мещанин икнул.

- Поди вон! Поди, тебе говорят! - сказала мещанину хозяйка.

- Помилуйте! Агафья Матвеевна!

- Уйди! И слушать я тебя не хочу.

Но тут хозяин уже слезал с печи и кричал:

- Агашка! Цыц! Сволочь! Де моя шапка?

Хозяйка молчала.

- Де моя шапка? Скажешь ты или нет? А?

- Ступай спать!

- Нет, я тебя спрашиваю, де моя шапка? Слышала?

Хозяин стоял босиком среди избы и водил глазами, отыскивая шапку. Мещанин, стоял у двери, чистил свой картуз.

- Ты чего дожидаясь? - спросила его хозяйка. - Тебе хочется, чтобы я тебя проводила? Так стой, голубчик!

- Агашка, черт, подай шапку! - кричал хозяин.

- А, да что с вами толковать!

Хозяйка схватила мещанина за чуйку и потащила его из избы.

Мещанин стал упираться. Она кликнула работницу, и вдвоем вытолкали его за дверь и заперли дверь на крючок.

- Полуношники! Оглашенные! - запыхавшись, говорила хозяйка.

Хозяин постоял немного, потом сел на опрокинутую кадку.

- Как баба-то набаловалась? А? - сказал он, глядя в землю и покачивая головой. - Ай-ай-ай!.. Стой! Дай срок! Я с тобой справлюсь!

- Справишься. Как же.

- Молчи! То-то я гляжу, что такое: совсем баба бояться перестала.

- Ступай спать-то уж, что ли!

- Нет, я тебя выучу, как хозяину отвечать. Ты у меня эти слова забудешь, сейчас издохнуть.

- Ну, да ладно.

- Нет, забудешь. Ты, я вижу, давно не учёна, так я тебя выучу.

- Что ты бунтуешь? Кабардинец, непокорное ты племя, - сказал солдат.

- Чего, братец мой, совсем баба избаловалась. Хочу опять в руки взять.

- Пора, пора, - смеясь, подтвердил солдат.

- То-то я, дурак, волю дал. Ай, ай, ай! Нет, их, баб, баловать не нужно. Ты не видал ли, брат, моей шапки?

- Нет, брат, не видал.

- Куда только я ее дел? Ах, шкура, право, шкура; сволочь несчастная. Дверь отопри!

- Не отопру. Ложись спать!

- Пусти меня на двор!

- Не пущу.

- На двор! Понимаешь ты? На двор. Нешто я без шапки уйду босиком? Вот дура-то! думает, я уйду босиком. Ах, мало я тебя учу, мало, мало... Не отопрешь?

- Не отопру.

Хозяин подумал и сказал:

- Ну так подавай мне горшок с кашей!

- Ничего я тебе не дам: и шапки не дам, и горшка не дам, и на двор не пущу. Сиди!

- Ну, хорошо.

Хозяин замолчал и потупился. Хозяйка поглядела на него и пошла в каморку постилать постель. В то же время вдруг поднялось окно, и из темноты показалось лицо мещанина. Он высунул свою бороду и сказал потихоньку:

- Я здесь!..

Хозяин очнулся, схватил чей-то кафтан, сдернул с гвоздя шапку прохожего, отпер дверь и что есть мочи босиком пустился бежать.

- Ах, убог! Лови, лови его! - выскочив из каморки, кричала хозяйка.

- Лови в поле ветер, - вставая, сказал солдат. - Давай-ка лучше спать ложиться. Дело-то складней будет.

Примечания

Впервые опубликовано в журнале "Современник" (1863, № 11).

1 Пишковой - пеший.

2 Семитка - двухкопеечная монета.

3 В желтые ворота меня и послал - то есть обругал, назвав сумасшедшим. Желтые ворота, желтый дом - от желтой окраски Обуховской психиатрической больницы в Петербурге.

4 Гашник - веревка, ремень для штанов.